

Л. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. labeliaev@bk.ru

А. А. Гиппиус

НИУ ВШЭ, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. agippius@mail.ru

А. А. Зализняк¹

БЕРЕСТИЯНАЯ ГРАМОТА МОСКВА-4: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ²

Полная публикация четвертой берестяной грамоты, найденной в Москве за четверть века. Место находки — Зарядье, приречный район Москвы восточнее Кремля, самый плотно заселенный в XIV—XV в. Здесь сохранился влажный культурный слой с большим количеством находок. Это позволяет точно датировать грамоту последней четвертью XIV в. Данная грамота, единственная в Москве, оформлена по стандартам, принятым в Новгороде. Она написана уверенным почерком. Содержание грамоты следующее. Слуга докладывает господину о неудачной попытке поехать в Кострому: их вернули с дороги и дважды взяли сравнительно небольшие суммы денег (как налог или долг), выраженные в серебре (полтина) и мехах (белки).

Ключевые слова: берестяные грамоты, денежная система XIV—XV в., Московское княжество, Зарядье (Москва), Кострома

В 2015 году при раскопках в Зарядье экспедицией ИА РАН была обнаружена, уже в четвертый раз за историю раскопок в Москве, берестяная грамота.

Контекст и хронология. Исследования велись в юго-восточной части района, на раскопе площадью менее 100 кв. м (98 кв. м) с общей мощностью антропогенных напластований 5,6 м, были сделаны 382 индивидуальные находки. Они образовали редкий для ранней Москвы контекст со строгой внутренней последовательностью. Это не было случайностью, поскольку сам выбор точки для исследования обещал важные выводы: раскоп разместили на трассе Мокринского переулка. На ней до XX в. стояла одна из древних церквей, Николы Мокрого, а сама улица, видимо, носила в XV в. название «Великой». С ней были связаны предположительно речная пристань [Фехнер] и одна из «таможен» Москвы — Мытный двор.

С самого начала исследований в Зарядье в 1940-х годах³ эта приречная зона привлекала особое внимание, в том числе благодаря тому, что здесь открыли влажный слой, подобно новгородскому, сохранявший органику.

На участке раскопа 7/2015 ситуация оказалась именно такой⁴. Более того, пятно раскопа довольно точно совпало с трассой переулка, которая, раз сложившись, почти не менялась вплоть до разрушения улицы в 1930—1950-х годах: линии древних водоотводных каналов XV—XVI в. и трассы коммуникаций XIX—XX в. почти совпадали. На улице культурный слой откладывался равномерно, начав формироваться задолго до того, как улицу замостили (во второй половине XVI в.?) деревом. Изначально широкую (более 4,5 м), ее в центральной части не перекапывали столетиями, поскольку на ней не строили никаких сооружений.

Находки в первых двух метрах слоя выпадали с дивной хронологической последовательностью. Это был гомогенный влажный пласт со слабо выраженными прослойками,

¹ В публикации использован комментарий к грамоте из подготовленной к печати книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект. Дополнение».

² Исследование выполнено по НИР «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение» (№ УДК 902 № НИОКТР АААА-А18-118021690056-7) и частично (работа А. А. Гиппиуса) за счет гранта Российского научного фонда (проект 19-18-00352).

³ См.: [Рабинович] и другие работы исследователя о Зарядье.

⁴ Предварительные публикации результатов работ см.: [Беляев, Савельев, Григорян; Курмановский, Савельев, Беляев; Беляев, 2017а; Беляев, 2017б; Беляев, 2019; Баталов, Беляев].

высоким содержанием щепы, костных останков животных, шерсти и другой органики, своего рода взвесь, в которой «плавали» вещи из дерева и металла (украшения, аксессуары одежды, детали книг, крестики). Вещи в основном мелкие, сразу рождающие мысли о потерях при движении по дороге: домашнего инвентаря (бытовой керамики, ухватов, светцов) мало, как и тех небольших орудий, без которых не обходился средневековый русский человек: ножей, топоров, точильных брусков, огнив и т. п. Нет железных замков, зато есть ключи, которые владельцы домов и сундуков обычно носили с собой.

Слои не разделяют настилы (как в Новгороде), нет и строительных ярусов. Но уровни разных периодов можно выделить по составу находок. Так, ясно видна граница, с которой начинается активное выпадение монет: она проходит примерно на метр выше материка. Монет много (53), все ручного чекана, в подавляющем большинстве удельного времени. Встречаемость явно связана с уровнями: отметки монет Василия Васильевича (1425–1446) — между — 180 и 238, а монеты Василия I Дмитриевича (1389–1425) и Петра Дмитриевича (1389–1427) есть только ниже уровня —200; ниже залегают монеты правителей Орды, из которых самая нижняя (—273) и ранняя — дирхем хана Узбека (?) (1313–1341)⁵.

Другие свидетельства экономической деятельности, такие как свинцовые пломбы (см.: [Беляев, 2018]), располагаются в слоях вместе с монетами, но попадают и в безмонетном слое. При этом они делятся на крупные западноевропейские (между отметками —129/—145), XV—XVI в., и мелкие, типа дрогичинских, на которых читают имя великого князя (—282/—345), XIV — начала XV в. Таким образом, их пласты разделены интервалом около полутора метров.

Восточные импорты встречаются почти от материка (—380/—400), то есть существенно ниже основной массы монет (фрагменты поливной и матричной керамики, болгарские металлические изделия: часть зеркала из бронзы, с арабской надписью, браслета, другие вещи).

Эта стратификация не произвольна, она отражает историческую логику и позволяет выстроить надежную и даже довольно точную хронологию. Ее поддерживают бытовые предметы (ключи, украшения — особенно перстни; разнообразные накладки), церковная пластика из металла (подвесные крестики XIV—XV в.; иконка св. Николая; детали книжных застежек) и камня (край резной каменной двусторонней иконки Богородицы и св. Николая), оружие (две стрелы, фрагмент бармицы из мелких колец); снаряжение всадника (железное стремя) и др.⁶

Нижняя хронологическая граница появления находок на участке близка XIII — середине XIV в. Ее отмечают стеклянные витые браслеты (всего два фрагмента) и, на уровне материка, фрагменты височного трехбусинного кольца, прорезного перстня и пластинчатого браслета. Аналогичный материал получил, работая неподалеку, М. Г. Рабинович в 1950-х годах, хотя датировал его более ранним временем (вещей из металла было найдено несравненно меньше — детектор еще не применялся).

Каково место грамоты в этом контексте? Она найдена на пласт ниже самой ранней из монет, дирхама хана Узбека второй четверти XIV в., которая могла выпасть в слой существенно позже его правления (тем паче — в Москве). Глубже нее залегают несколько свинцовых пломб, исчезающих примерно на полметра ниже (—301, —306, —310, —318, —318, —320, —345), а также последний из орнаментированных грузиков (—314), оба стеклянных браслета (—312, —394); три фрагмента кашинной керамики (—309, —417, —417). И браслеты, и кашинная керамика имеют большой, 80–90 см, разрыв по глубине.

Грамота лежала в слое, который маркирован тремя ключами типа В, с вариантами (ниже грамоты отметки —332 и —377, выше нее —278). Серия перстней распределена равномерно

⁵ Определения монет, которыми мы пользуемся в статье, произведены П. Г. Гайдуковым, А. А. Гомзиным и А. В. Лазукиным. Благодарим коллег за эту работу.

⁶ Формат статьи не предполагает полного вещеведческого разбора упоминаемых находок (в дальнейшем его планируется подготовить в соавторстве с С. Ю. Шполянским), указания на аналогии приводятся только в избранных случаях.

на последующем метре слоя (–308, –338, –364, –401, –405, –405; простые литые щитковые, распространенных форм: крест «пять жемчужин»; «раскрытая ладонь»; «узел счастья», имитации каменных вставок; в одном случае вставка настоящая). С ними соседствуют ранние типы равноконечных крестиков. Один с процветшими ветвями (–306) и гораздо ниже, на отметке –368, серия из трех предметов: крестик с эмалью и отверстием в средокрестье; с округлыми расширенными ветвями; подвесная бронзовая иконка св. Николая с граненым оглавием (распространено не ранее 1340-х годов) [Лесман, с. 60, тип III-6]. Много ниже (около метра) лежат обе стрелы (ромбический широкий срезень, –388; пулевидная с перехватом, –409) и, на материке, уже описанные вещи XIII – начала XIV в.

Находки, сделанные в слое на 30–40 см выше грамоты, очень сходны: то же выпадение свинцовых пломб и грузиков. Только через 40 см (на отметке –245) появился слабо сохранившийся ордынский пул. Первые монеты московского чекана лежат еще выше (примерно на 60 см), чем берестяная грамота: денга князя Василия Дмитриевича (1389–1425) на отметке –264, две денги на –220/–240 и две выше (–204 и –200). Высшая фаза активного выпадения монет удельного периода (по монете в каждом сантиметре слоя) связана с отметками –197/–207, что на метр выше грамоты. Таким образом, вся свита слоев с монетами отложилась существенно позже, что очень показательно. Вряд ли грамоту стоит относить к монетному периоду – она гораздо раньше.

Этому не противоречит тот факт, что в ее уровне много других находок из металла, например перстней и накладок, а расположение ключей типа В может даже подтвердить дату (два ключа найдены ниже, в то время как более поздний тип – чуть выше грамоты). То же касается других, явно случайных находок в слое, таких как часть белокаменного надгробия или крышки саркофага XIII–XIV в. (точный аналог есть в Старой Рязани, не столь очевидные – в Москве). Керамика немногочисленна, но вполне отвечает датам вещей (фрагменты домонгольской единичны, представлены красная грубая и серая, появляется красная лощеная).

К сожалению, даты многих металлических изделий удельного периода все еще очень широки. В большинстве их типы формировались в XII–XIII в. и даже ранее, но воспроизводились и (или) использовались вплоть до середины XV в. Это касается даже тех типов, которые мы четверть века назад воспринимали как безусловно домонгольские, например височные кольца с головой дракона или лося и птицей. И все же активная взаимовстречаемость, концентрация «подозрительных» вещей в первых двух метрах культурного слоя раскопа 7/2015 позволяет думать, что они отложились не позже начала XV в. Привлекая приведенную выше раскладку и учитывая, что грамота лежит примерно посередине свиты, беремся утверждать, что она не выходит из пределов XIV в., вернее – второй половины его.

Отметим, что в тех же слоях обильны предметы, указывающие на хозяйственно-административную деятельность, – свинцовые пломбы дрогичинского типа, причем раскоп помещен у самой ограды Мытного двора, известного, правда, не ранее XVI в.

Берестяная грамота Москва-4 найдена в скрученном состоянии, развернута и законсервирована (без применения химикатов) под руководством П. Г. Гайдукова⁷.

Это горизонтально снятый кусок хорошо выделанной коры березы, узкий и длинный (42 Ч 5 см), по гладкой поверхности которого писалом прочерчены буквы. Для Москвы это единственный случай, когда текст нанесен не поперек чечевичек, а вдоль них, что для Новгорода является нормой; также новгородскими являются и остальные технические признаки, хотя построение текста несколько отличается от новгородской манеры (см. ниже).

Текст расположен в три строки, причем две верхние используют всю длину свитка, а третья обрывается примерно посередине; остальная поверхность чистая. Нужно думать, что автор

⁷ Находка № 256, в квадрате 16, на глубине –298, сделана 20 октября 2015 г. в 11.00 сотрудником Московской экспедиции ИА РАН Антоном Владимировичем Косинцевым.

выразился полностью, а не остановился на полуфразе. Речь идет о неудачной поездке автора в Кострому (этот важный в рамках раннемосковской истории город в берестяных грамотах упомянут здесь впервые). (См. рис. 1 а, б; рис. 2.)

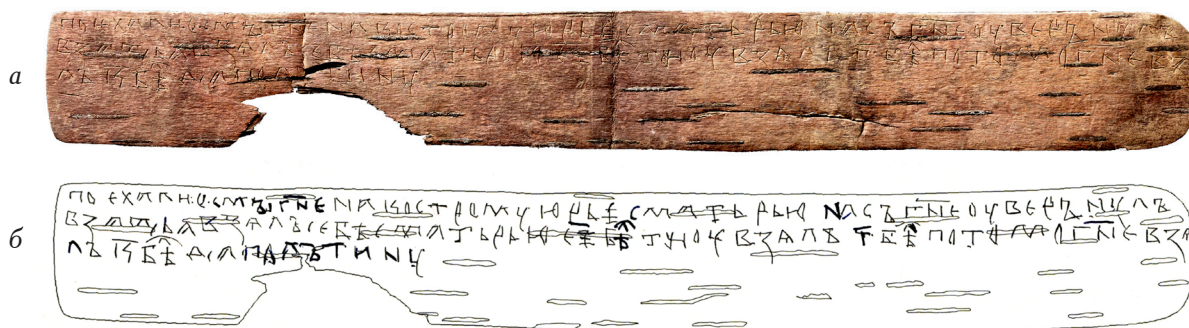

Рис. 1а. Берестяная грамота «Москва-4», обнаружена 20 октября 2015 года в слое конца XIV — первой половины XV века.

Рис. 1б. Прорись берестяной грамоты «Москва-4»

Лингвистические особенности

Текст грамоты с разделением на слова имеет следующий вид:

поѣхали .е.смы гнѣ на кострому юры с матерью насъ гнѣ оуверънулъ
взадъ а взалъ себѣ с матерью ѿ бѣ^а ти оувзаль г бѣ^а по томо гнѣ взалъ
к бѣ^а да полътину

Приведем его также с современной пунктуацией, раскрытием сокращений и нормализацией графики:

Поехали есмы, г(осподи)не, на Кострому. Юрьи с матерью насъ, г(осподи)не, оуверънулъ взадъ. А взялъ себѣ с матерью 15 бѣл(ъ), ти оувзаль 3 бѣл(ы), по томъ, г(осподи)не, взялъ 20 бѣл(ъ) да полътину.

Перевод: 'Поехали мы, господин, в Кострому. Юрий с матерью нас, господин, завернул назад. А взял себе с матерью 15 бел; да взял 3 белы; потом, господин, взял 20 бел да полтину'.

В первой строке *юры* переправлено из *юрье*. Во второй строке буква *и* в *ти* исправлена из какой-то другой. Отметим оригинальное решение буквы *д* в слове *взадъ*: чтобы не чертить по твердой чечевичке, писавший присоединил левую ножку буквы не к платформе, а к плоскому верху.

Датировка грамоты внестратиграфическим методом, по сумме палеографических, графических и языковых признаков, дает результат: 40–90-е годы XIV в., предпочтительно 40–70-е годы XIV в. Подчеркнем, что эта оценка дана по новгородским меркам. Предпочтение периода до 1380 г. основано на одном признаке (начертание буквы *д* с плоским верхом), более интенсивно представленном в этот период, но встречающемся и в более позднее время. Ниже приводится датирующая матрица грамоты⁸.

⁸ Объяснение условных обозначений см.: [Янин, Зализняк, с. 218–219, 284–288].

	1100	1200	1300	1400	
Л 1б Основной вид (плосковерхне))° °
А 1б Основной вид (плосковерхне))° °
Т 1 Нижняя засечка	(°()° °
Д 1б Основной вид (плосковерхне)	°)° ° °
В 1б Перелом, не касающийся мачты)° ° °
Графика: <i>Ѧ-, ѧ-, ѩ-</i>					(
Язык: <i>Юрьи, Юрьи</i>		[]
Графика: <i>є</i>					(° . . .
Ю 1б Перемычка наклонно вверх		°			(
У 8 С-образно изогнутые		.			°(° ° ° °)° . .
Язык: <i>рубль, полтина</i>					(
О 4 Вместо правой дуги прямая	° °				(° ° ° ° °(
Р IVб Углом вниз (прямолинейные)					(° ° °(
Ы II Без перемычки	(° ° °				° ° (
Формуляр: <i>господинь</i> об адресате		(° ° °			(
Г IIIб С пересечкой (с засечками)	[- -]				[-]
Язык: <i>бѣла (бѣлка)</i> (не собир.)		(° (
Язык: <i>взати (узати)</i> (не <i>въ-</i> , <i>во-</i>)		(° (
Графика: <i>Ѧ</i>	° °	° ° °			(
Р IVа Углом вниз (криволинейные)					(° ° ° °(
Графика: У после согласной	(° ° ° ° °				°(

Рис. 2

В отличие от подавляющего большинства новгородских берестяных писем, грамота не имеет адресной формулы. Это может быть случайностью, но может объясняться и меньшей, по сравнению с Новгородом, разработанностью эпистолярного этикета. Любопытно, что единственная на сегодняшний день вологодская берестяная грамота также необычна с точки зрения формуляра [Кукушкин, Гиппиус, Зализняк, с. 161].

Буквы *о* и *ѣ* употребляются в основном в соответствии с позднедревнерусским стандартом, при этом в *оуверънулѣ* и *полѣтину* буква *ѣ* выступает уже в роли твердого знака. Отклоняется только *по томо*, где твердость конечного *м* передает не *ѣ*, а *о*. Вместо *є* в двух из семи случаев находим *ь*, оба раза в слове *матьрюю*, перед разделительным *ь* в следующем слове. На этом фоне и замену *ѣ* на *о* в *по томо* можно считать обусловленной соседством с двумя «законными» *о*. Буква *ль* употребляется стандартно, заменяясь на *Ѧ* после [j]: *пожхали*, что обычно и для новгородских грамот.

В *ти оувзалѣ* через *оув*, вероятно, передано билабиальное [w] (хотя возможны также [y] или [uw]), ср. рядом *взалѣ* (2Ч), *взадѣ*.

Словоформа *оуверънулѣ* в принципе может принадлежать глаголу *увернути* или простому *вернути*. В первом случае за начальным *оув* стоит [ув'], во втором — [w']. Но начальное [w] перед гласной в говорах практически неизвестно, поэтому следует предпочесть первое решение. Для глагола *увернути* 'завернуть, повернуть' ср.: «Князь Михаило Тѣерскый... и пошоль ратью Литовьскою къ городу Кашину... и ту възложи ему Богъ на сердцѣ добрую мысль, еже о любви и о миру, и въ томъ мѣстѣ и рать увернулѣ, а подѣ дядею мирѣ взялъ съ княземъ съ великимъ съ Дмитриемъ с Ъвановичемъ»⁹. Ср. также возвратный глагол *увернути ся*, например: «Мыслиши бржати в Половци, да к чему ся увѣрнеши?» (Новгородская четвертая летопись, 1136 г.)¹⁰.

⁹ ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 10. Пример сообщен Я. А. Пеньковой.

¹⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. С. 147. Пример сообщен Д. В. Сичиновой.

Морфология грамоты — наддиалектная древнерусская: *-ѣ* в *оуверѣнулѣ, възалѣ* (2Ч), *оувзалѣ* (в Новгороде здесь было окончание *-е*); *-мы* в 1 л. мн. *есмы* (новгородская диалектная форма — *есме*). От древненовгородского диалекта язык документа четко отделяет и словоформа Д. ед. *себѣ*: в новгородских не книжных текстах фиксируется только *себѣ*. Параллельная словоформа *тебѣ* выступает между тем в грамоте № 10 из Торжка (кон. XII в.) — и также на фоне окончания *-ѣ* в *пошьлѣ, Петрѣ*. Но если в Торжке такую морфологию нужно объяснять происхождением писавшего из Северо-Восточной Руси (в других новоторжских грамотах представлены новгородские диалектные черты), то в московском документе она естественна: те же особенности характеризуют и московские пергаменные грамоты.

Отметим также И. ед. *Юры* (и написанное вначале *Юрье*) — особые формы именительного падежа этого имени, распространенные во всей Руси (см.: [Зализняк, с. 104]).

В синтаксисе обращает на себя внимание союз *ти* 'и, да'. В новгородских грамотах он встречается очень редко (в отличие от частицы *ти*, которая для них, напротив, чрезвычайно характерна). Между тем этот союз четырежды выступает в тверской берестяной грамоте № 2 (кон. XIII — нач. XIV в.), в которой, несмотря на связь автора с Новгородом, проявляющуюся в содержании, отсутствуют новгородские диалектные особенности.

Управление *на Кострому* (как и *на Москву, на Вологду*) в старорусских памятниках последовательно используется как при указании направленности движения, так и при указании на его конечную цель. Это отличает названия данной группы (принадлежащие к а-склонению) от других, которые во втором значении употребляются с предлогом *в* (как в современном литературном языке). Ср. пример из НКРЯ: «Того же лѣта выведоша немецъ из Юрьева и з женами и з дѣтми, и сведоша их иных в Нижней Новѣгород, а иных в Володимерѣ, а иных на Кострому, а иныхъ в Углець» (Псковская 3-я летопись, 1565 г.). В нашем случае явно имеется в виду поездка в Кострому, а не в направлении Костромы.

Возможности интерпретации. Автор грамоты сообщает своему господину, что он со спутниками направлялся в Кострому. Но некие «Юрий с матерью» вернули их с пути, истребовав в два приема по две доли средств: сперва поменьше (15 бел и 3 белы), потом побольше (20 бел и полтину серебра), из которых Юрий забрал «себе с матерью» по крайней мере первые две доли, а скорее всего, и две вторые тоже.

Попытаемся дать исторический комментарий к грамоте, начав с отраженной в тексте счетно-денежной ситуации. Общая сумма выплаченных автором средств составляет 38 бел и одну полтину. Если упоминание полтины обычно для московских документов этого времени, то белы встречаются в них впервые. Как расчетная единица «бела» или «белка» хорошо известна между тем из новгородских берестяных грамот (где ее употребление фиксируется с XIII в.), новгородских пергаменных частных актов XIV—XV в., а также актовой письменности Северо-Восточной Руси. При этом нередко белки комбинируются с рублями и полтинами в рамках одного и того же платежа. См. примеры, приводимые Н. П. Бауером: «далъ есмь на нихъ рубль новгородской да пятнатцать бел» (грамота Кирилло-Белозерского монастыря 1397—1427 г.), «да придалъ полтину да 20 белъ» (меновая грамота XV в.), «да заложиль... пожно... в полтине да в тридцати белкахъ» (закладная 1473 г.) [Бауер, с. 320—321]. Такую же комбинацию представляет и наша грамота, показывая, что московский денежный счет был в данном отношении принципиально сходен с новгородским.

Вопреки попытке В. Л. Янина трактовать «белу» как собственно денежную единицу, приравняв ее к ногате (об ошибочности этой трактовки см.: [Кистерев, 2004а, с. 70—71]), белки, безусловно, выступают в подобных расчетах как имеющие меховую ценность беличьей шкурки (именно поэтому их количество часто измеряется сороками). По точной характеристике

Н. П. Бауера [Бауер, с. 319], мы имеем дело «с обращением мехов в виде товаро-денег, однако вне связи с кунной системой», иначе говоря, с использованием «двух параллельных валют, двух форм платежных знаков, принимаемых наравне друг с другом в повседневной жизни» [Бауер, с. 322]. Чтобы выступать в роли платежного средства, беличьих шкурки должны были находиться в каком-то фиксированном стоимостном отношении к серебру в виде платежных слитков — рублей и полтин, а впоследствии и монет. Для Новгорода такое соотношение впервые фиксируется в купчей двинского Михаило-Архангельского монастыря конца XIV — начала XV в.: «А дали на той половине села семь рублей, а по сту бѣл за рубль»¹¹. В более поздних источниках соотношения варьируют. Так, из двух разных указаний в писцовой книге Водской пятины, приводимых Н. П. Бауером [Бауер, с. 323] и В. Л. Яниным [Янин, с. 167], вытекает равенство белы двум деньгам в одном случае («за двадцать бел гривна и шесть денег») и одной деньге в другом («за пятнадцать бел две гривны и две денги»); под деньгой при этом в обоих случаях явно понимается новгородка, а гривна состоит из 14 денег. Согласно данным, любезно предоставленным нам Л. А. Бассальго, в новгородских писцовых книгах встречаются и другие соотношения: белка может приравниваться к 0,5 деньга, 1,4 деньга и т. д. На этом фоне выделяется норма, фиксируемая в документах центральной московской администрации — уставной грамоте Устьянским волостям 1539 г. и двинской уставной таможенной грамоте 1560 г.: две московские деньга за белку [Кистерев, 2004б, с. 148]. Поскольку в московском рубле было двести денег, это дает соотношение «100 белок на рубль», совпадающее (с поправкой на разницу в размере рубля) с указанным в грамоте Михаило-Архангельского монастыря. По-видимому, именно это соотношение следует рассматривать в качестве основного стандарта. В таком случае в нашей грамоте полтина соответствует 50 белкам, а меховой эквивалент всей выплаченной суммы составляет 88 белок. Учитывая сказанное выше про счет сороками, отметим, что это два сорока и еще два раза по четыре белки.

Теперь попробуем представить участников события. Здесь главный вопрос: возможна ли их социальная, а тем более персональная идентификация? В грамоте что ни слово — то новое неизвестное. Где находилось лицо, пославшее грамоту, из ее текста неясно — как неясна и локация адресата. Если письмо до него дошло, то местопребывание надо искать там, где грамота найдена, — в Москве. Если полагать, что письмо не дописано или по каким-то причинам не послано, то в Москве находится автор. Возможно также, что оба они в Москве, но автор лишен возможности доложить хозяину о ситуации лично. Менее вероятны версии, где никто из упомянутых не москвич: скажем, все ехали из Ярославля в Кострому, письмо отразило перипетии этой поездки, но было позже утеряно в Москве, куда адресат приехал подать челобитную.

Если задуматься о социальном положении персонажей, то окажется, что можно судить об их относительной субординации, но абсолютная оценка затруднена. Ясно, что пишет грамоту один из группы слуг, контрагентов или зависимых людей «господина». Но каково его собственное положение в обществе — неясно. Если начать с князей Москвы, то легко выделить двух Юриев — Юрия Даниловича (1303–1325)¹² и Юрия Дмитриевича (1374–1434). Последний из них в молодости, кажется, идеально подходит: хронология совпадает, да и как правителю ему было бы уместно выступать совместно с матерью: вдова-княгиня Евдокия Дмитриевна фактически правила вместе с сыновьями после смерти их отца, князя Дмитрия Донского, с 1389 по 1407 г. Такая идентификация соблазнительна. Следовало проверить, не те ли это персонажи, на которых

¹¹ ГВНП. С. 182. № 123.

¹² Юрий Данилович умер полувеком раньше, чем мы датируем грамоту, и пришлось бы допускать ее длительное хранение или перемещение в слое — ни для того, ни для другого нет особых оснований. Ведение совместных дел с матерью тоже потребует конструирования.

жалуется господину автор грамоты. Ведь, так или иначе, Юрия можно (даже следует) искать среди тех, чьи имена известны летописи или актам указанного времени.

По нашей просьбе В. С. Курмановский провел выборку всех «Юриев» из текстов, отражающих около века истории Московского княжества, опираясь на научно-справочный аппарат к публикации родословной книги конца XVII в. из собрания князей Оболенских и государственных поминальных записей конца XIV – XVII в., подготовленной А. В. Антоновым [Памятники, с. 534–535]. В них оказалось 57 носителей имени Юрий, из которых 25 человек жили с середины XIV до середины XV в. В их числе 15 великих и удельных князей (тверских, смоленских, ярославских, белозерских и др.). Другие родословные, вместе с актами и нарративными источниками, дали еще столько же (15) нетитулованных носителей имени, связанных с Московским княжеством того же времени¹³.

Таким образом, совершенно не обязательно видеть в «Юрии с матерью» именно звенигородского князя и княгиню Евдокию – выбор достаточно велик. Против отождествления с кем-либо из князей говорит уже скромность сумм, о которых пишется в грамоте. В ней нет не только прямого указания на княжеский статус, но и отчества. Впрочем, учитывая, что письмо написано не к Юрию, формы этикета в данном случае могли не соблюдаться по многим причинам. В то же время имя дано не в уменьшительной форме («Юшка», «Юрка» и т. п.), как его приводят в случаях, когда речь идет о людях невысокого статуса. Возможно, обиженный автор просто не считал нужным почтить Юрия полным прозванием.

Но тон письма не возмущенный. Констатируются факты. Господину объясняют, почему поездка сорвалась. Видимо, оправдываются и молчаливо признают права противной стороны. Ясно, что Юрий с матерью – не простые люди, это лица более высокого статуса, чем автор письма, и обладают определенной властью, наделены правом (или, по крайней мере, силой) возвращать с дороги, требовать возврата долга или неуплаченной пошлины. Нельзя исключить, конечно, что это контрагенты «господина» по торговле, кредиторы (в том числе – родственники «господина»), но скорее всего это все-таки представители власти. Упоминание «матери» свидетельствует об относительной молодости персонажа. В дальнейшем стоит обратить больше внимания на исторический контекст последних десятилетий XIV в., учесть новгородские черты грамоты, а также упоминание в ней Костромы, но это выходит за рамки публикуемой статьи, так же как ее анализ на фоне других московских берестяных грамот. Это задачи на будущее.

Литература

- Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем (IX в. – 1535 г.). М., 2014.
- Баталов А. Л., Беляев Л. А. Зарядье до конца XVII века: историческая топография, археология, архитектура // Зарядье. М., 2018. С. 171–181.
- Беляев Л. А. В «Золотом городе»: Зарядье как школа московской археологии // Московское наследие. 2017. № 3 (51). С. 28–35. [Беляев, 2017а]
- Беляев Л. А. Новый адрес: Зарядье, раскоп № 7/2015 // Московское наследие. 2017. № 3 (51). С. 36–44. [Беляев, 2017б]
- Беляев Л. А. Свинцовые пломбы Москвы и стратиграфия раскопа № 7/2015 в Зарядье // «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород, 2018. С. 23–25.
- Беляев Л. А. На старой дороге: работы 2015 года в Зарядье // Природа. 2019. № 3. С. 58–65.
- Беляев Л. А., Савельев Н. И., Григорян С. Б. Раскопки в Зарядье (г. Москва) // Археологические открытия 2015 года. М., 2017. С. 117–121.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Кистерев С. Н. Русское денежное обращение в трудах В. Л. Янина. М., 2004. [Кистерев, 2004а]
- Кистерев С. Н. Белка в русском денежном обращении // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая

¹³ Полный список опубликован, см.: [Курмановский, Савельев, Беляев].

- конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 148–149. [Кистерев, 2004б]
- Кукушкин И. П., Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Первая берестяная грамота из Вологды // *Российская археология*. 2018. № 1. С. 164–172.
- Курмановский В. С., Савельев Н. И., Беляев Л. А. Сколько у нас Юрьев? Ономастический комментарий к берестяной грамоте Москва-4/2015 // *Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы научной конференции*. М., 2016. С. 121–124.
- Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода // *Материалы по археологии Новгорода*. М., 1988. С. 1988. М., 1990. С. 29–98.
- Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011.
- Рабинович М. Г. Археологические работы в Москве в Китай-городе // *КСИИМК*. М.; Л., 1951. Вып. 28. С. 48–61.
- Фехнер М. В. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI века // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М.; Л., 1949. № 12. С. 106–124.
- Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // *ВИД*. Л., 1970. Т. 3. С. 150–179.
- Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.

References

- Bauer, N. P. *Istoriya drevnerusskikh denezhnykh sistem (IX v. – 1535 g.)* [The History of Old Russian Monetary Systems (The 9th Cent. – 1535)]. М., 2014.
- Batalov A. L., Belyaev L. A. *Zaryad'e do kontsa XVII veka: istoricheskaya topografiya, arkhitektura* [Zaryadye until the End of the 17th Century: Historical Topography, Archeology, Architecture]. In *Zaryad'e*. М., 2018. P. 171–181.
- Belyaev, L. A. V “Zolotom gorode”: Zaryad'e kak shkola moskovskoj arkhologii [In the “Golden City”: Zaryad'e as a School of Moscow Archeology]. In *Moskovskoe nasledie*. 2017. № 3 (51). P. 28–35.
- Belyaev, L. A. *Novyj adres: Zaryad'e, raskop № 7/2015* [New Address: Zaryad'e, Excavation № 7/2015]. In *Moskovskoe nasledie*. 2017. № 3 (51). P. 36–44.
- Belyaev, L. A. *Svintsovye plomby Moskvy i stratigrafiya raskopa № 7/2015 v Zaryad'e* [Lead Seals of Moscow and Stratigraphy of Excavation № 7/2015 in Zaryad'e]. In “*Neskonchaemoe leto*”. *Sbornik statej v chest' Eleny Aleksandrovny Rybinoy*. М.; Velikij Novgorod, 2018. P. 23–25.
- Belyaev, L. A. *Na staroj doroge: raboty 2015 goda v Zaryad'e* [On the Old Road: Works of 2015 in Zaryad'e]. In *Priroda*. 2019. № 3. P. 58–65.
- Belyaev, L. A., Savel'ev, N. I., Grigoryan, S. B. *Raskopki v Zaryad'e (g. Moskva)* [Excavations in Zaryad'e (the City of Moscow)]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2015 goda*. М., 2017. P. 117–121.
- Zaliznyak, A. A. *Drevnenovgorodskij dialect* [The Old Novgorod Dialect]. 2-e izd. М., 2004.
- Kisterev, S. N. *Russkoe denezhnoe obrashhenie v trudakh V. L. Yanina* [Russian Monetary Circulation in V. L. Yanin's Works]. М., 2004.
- Kisterev, S. N. *Belka v russkom denezhnom obrashhenii* [Belka in the Russian Monetary Circulation]. In *Dvenadtsataya Vserossijskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva, 19–24 aprelya 2004 g. Tezisy dokladov i soobshhenij*. М., 2004. P. 148–149.
- Kukushkin, I. P., Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A. *Pervaya berestyanaya gramota iz Vologdy* [The First Birch Bark Letter from Vologda]. In *Rossijskaya arkhologiya*. 2018. № 1. P. 164–172.
- Kurmanovskij, V. S., Savel'ev, N. I., Belyaev, L. A. *Skol'ko u nas Yur'ev? Onomasticheskiy kommentarij k berestyanoj gramote Moskva-4/2015* [How Many Yuries do we have? Onomastic Review for Birch Bark Moscow-4/2015]. In *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkhelogicheskikh istochnikakh: Moskovskaya Rus', Rossijskaya Imperiya i ikh sosedi: materialy nauchnoj konferentsii*. М., 2016. P. 121–124.
- Lesman, Yu. M. *Khronologiya yuvelirnykh izdelij Novgoroda* [The Chronology of Jewelry of Novgorod]. In *Materialy po arkhologii Novgoroda*. М., 1988. P. 29–98.
- Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya* / Sost. A. V. Antonov [Monuments of History of the Russian Service Class / Compiled by A. V. Antonov]. М., 2011.
- Rabinovich, M. G. *Arkheologicheskie raboty v Moskve v Kitaj-gorode* [Archaeological Work in Moscow

in Kitay-Gorod]. In *Kratkie soobshheniya Instituta istorii material'noj kul'tury*. M.; L., 1951. Vyp. 28. P. 48–61.

Fekhner, M. V. Moskva i ee blizhajshie okrestnosti v XV i nachale XVI veka [Moscow and Its Nearest Surroundings in the 15th and the Early 16th Century]. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. M.; L., 1949. № 12. P. 106–124.

Yanin, V. L. Berestyanye gramoty i problema proiskhozhdeniya novgorodskoj denezhnoj sistemy XV v. [Birch Bark Letters and the Problem of the Origin of the Novgorod Monetary System of the 15th Cent.]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. L., 1970. T. 3. P. 150–179.

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie [Novgorod Letters on Birch Bark (From Excavations 1990–1996). Paleography of Birch Bark Letters and Their Out-of-stratigraphic Dating]. M., 2000.

Leonid A. Belyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksey A. Gippius

National Research University Higher School of Economics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrey A. Zaliznyak

BIRCH-BARK LETTER “MOSCOW-4”: THE INTERDISCIPLINARY CASESTUDY

The first publication of the new birch-bark letter of Moscow. The letter was found in 2015 by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences excavations in Zaryadye, the waterfront area not far from the Kremlin. This urban area was the most densely populated over the 14th – 15th centuries. The occupational layers there are very wet and rich with the organic and metallic deposits. It helps to establish the exact date of the letter as the last quarter of the 14th century. This letter is the only example of the Moscow birch-bark “correspondence” following the rules of Novgorod the Great scribes. Also, the scribe was the very well trained in writing. The content of the letter — the explanations by the subordinate to the master of the failed attempt to go to the City of Kostroma. The travelers were returned from the road by the unknown persons (“Yuri with the mother”). The letters took from the author two sums of money (as a debt or tax?), in both cases expressed in silver (poltina) but, mainly, in furs (belka, namely a squirrel).

Keywords: birch-bark letter, Zaryadye, Moscow, monetary system of the 14th – 15th centuries, Kostroma